

УДК 80
ББК 81
С91

Сухачев Н. Л.
С91 Значение и смысл слова. Лекции о лингвистическом знаке. — СПб. : Нестор-История, 2019. — 184 с.

ISBN 978-5-4469-1492-0

Содержательный анализ и восприятие любого высказывания (конкретные осмысления слов) требуют адаптации читателя или слушателя, в том числе исследователей-языковедов, к непрерывному обновлению самой культурной традиции и научных подходов к изучению феноменов языка и речи. В книге представлены минимально необходимые сведения о многовековой традиции толкования текстов, о становлении знаковых теорий и психологической подоплеке «мысли-речи». Книга предназначена филологам — студентам и аспирантам, а также всем читателям, интересующимся лингвистической историографией и историей культуры.

ISBN 978-5-4469-1492-0

9 785446 1914920

© Н. Л. Сухачев, 2019
© Издательство «Нестор-История», 2019

ОТ АВТОРА

В 2004–2005 годах А. А. Кручина предложила мне прочитать курс лекций по лексической семантике для небольшой группы аспирантов кафедры французского и восточных языков Лингвистического института при Санкт-Петербургском государственном университете экономики и финансов. Я искренне признателен ей за эту возможность. Основное внимание уделялось приемам и методам анализа лексического значения. При этом нельзя было пренебречь историей идей и теориями лингвистического знака. Следовало продумать такое сочетание «теории» и «практики», чтобы рефлексия о языке не мешала осознанию его словесной фактуры во всех ее шероховатостях. В начале 2011 г. этот «теоретический» раздел в доработанном виде был представлен на семинаре для аспирантов Института лингвистических исследований РАН. Повторно я читал его в феврале — марте 2013 и 2015 гг. Я признателен М. Н. Приемышевой за возможность еще раз продумать логику обсуждаемой лингвистической проблематики.

Я благодарен также И. В. Бродскому, А. А. Бурькину, А. Н. Левичкину, С. А. Мызникову за свободное — порой эмоциональное — обсуждение многих проблемных вопросов лексикологии. Я обязан формулировками и некоторыми деталями, намеченными в книге, всем своим слушателям, особенно наиболее придирчивым из них.

В книге нет окончательных оценок и однозначных ответов на обсуждаемые вопросы, затрагивающие современное состояние наук о языке. Это скорее приглашение читателей к размышлениям.

КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМАТИКУ КНИГИ

И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению? Так, если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер. Сколько, например, различных слов в мире, и ни одного из них нет без значения...

*Первое послание к коринфянам
св. апостола Павла. Гл. 14, ст. 8–10*

Теории значения — это мертвые ветви на Древе Познания.

*Г. П. Бейкер, П. М. Хакер
Скептицизм, правила и язык¹*

Слова св. Павла можно интерпретировать в том смысле, что значение для меня обязательно предполагает *и значение для другого*. Высказывание же оксфордских философов Бейкера и Хакера направлено против спорных интерпретаций суждений Л. Витгенштейна о правилах в индивидуальном языке, сформулированных в его «Философских исследованиях» (1953, см.: *Витгенштейн* 1994: 75–319). Оно, напротив, исходит из того, что подразумеваемое мной здесь и сейчас *значение*, правильное — *смысл* (нюансы осмысления любого слова слушающим, читающим), для «другого» остается *практически непостижимым*.

В лекциях весеннего семестра 1930 г., дошедших до читателей в записях тогдашних студентов Дж. Кинга и Д. Ли, на вопрос: «Обладают ли слова значением за пределами высказывания?» — Л. Витгенштейн отвечает:

«Слова функционируют только *внутри* (здесь и далее выделено мной. — Н. С.) высказывания подобно рычагам машины. За пределами высказывания они не имеют ни функции, ни значения. Считается, что высказывание должно состоять из субъекта и предиката, частей речи, разного рода грамматических отношений. Но это неверно. Я мог бы выразить некое *высказывание*, например, *путем серии постукиваний*²» (*Витгенштейн* 1993: 274–275, § 4).

Целиком разделяя первую половину цитированного утверждения, по поводу последнего примера я мог бы возразить, что «постукивание», конечно же, может стать в ы с к а з ы в а н и е м (или его частью), но только после того, как оно обретет соответствующее значение. Если с л о в о, будучи вторым

¹ *Бейкер, Хакер* 2008: 9.

² Выделения, использованные авторами цитируемых изданий (и их редакторами), последовательно сохраняются без каких-либо дополнительных уточнений.

сигналом высшей нервно-психической деятельности, предстает в качестве значимого речевого элемента как один из естественных сигналов (в психологическом смысле), то постукивание, например, по системе азбуки Морзе, является п р о з в о д н ы м от него и способно нечто означить, лишь будучи соотношенным с речевым сигналом. Иначе говоря, значимое постукивание чаще всего просто-напросто надстроено над языком (то есть выступает в качестве к о д а). В качестве же такой «надстройки», перекодируя высказывание тем или иным образом, само оно (по природе) никак не может считаться *изначальным* высказыванием³.

З н а ч е н и е в языке генетически обусловлено прежде всего *его экзистенциальной функцией*, направленной на выживание отдельных особей и человеческого вида в целом. Другими словами, это — *имманентное свойство языка*, то есть свойство внутреннее, опирающееся на выработанный в длительном процессе эволюции речевой или лингвистический знак (он же словесный)⁴. Все прочие сигнальные системы, обычно именуемые (*сигнальным*) *кодом*⁵, обладают значением исключительно благодаря языку, то есть будучи с ним соотношенными.

³ В патологических случаях вторичные сигналы (например, у слепоглухорожденных, *тактильные* — по типу азбуки Морзе) могут оказаться единственным способом сформировать язык и человеческую личность. Такое «постукивание», разумеется, соответствует высказыванию. Однако в конечном счете оно производно от «готовой» человеческой речи, соответствуя грамматике и словарю данного языка. «Постукивание», которое, похоже, подразумевал Витгенштейн, скорее сродни жестикуляции, чем собственно языку.

⁴ В контексте экспериментальной психологии И. П. Павлов назвал это образование, специфическое для живой природы, *вторым сигналом высшей нервно-психической деятельности*, в отличие от ее *первого сигнала* — образа, на который опирается поведение высших животных. На уровне низшей нервной деятельности (начиная с самых примитивных организмов) второму и первому сигналу предшествует произвольный *рефлекс*. Между первым и вторым сигналом, *природными* по преимуществу, вклинивается «искусственный» условный сигнал, целенаправленно, например, формируемый у животного в лабораторном эксперименте.

Второй сигнал (лингвистический знак) — исключительно культурное образование. Усваивается он пожизненно, хотя имеются аргументы, допускающие закрепление элементарных навыков и знания в морфологии организма, а значит, их передачи по наследству (в смысле морфологической предрасположенности организма к усвоению того же языка — см. раздел 7.2.4). Открытие такого генетического механизма позволило бы продумать «эволюцию интеллекта» как основы глоттогенеза — зарождения языка в антропосоциогенезе (в истории вида *Homo sapiens sapiens*).

⁵ Дефиниция *код* применительно к языку является метафорической. Словоупотребление *лингвистический код* (*le code linguistique*) вместо сосюрковского *язык* (*la langue*), параллельно с *сообщением* (*le message*) вместо *речи* (*la parole*), впервые было введено Р. О. Якобсоном на Международном конгрессе антропологов (Гаага, 1952) в докладе «Модели в лингвистике» (“Patterns in linguistics”, см.: *Jakobson 1971*). Ставя позже вопрос об «исследовании коммуникации посредством речевых

Изложенное проясняет, полагаю, почему лингвисту следует уделять речевому мышлению, а также теориям знака и разнообразным аспектам и нюансам понятия *значение* некоторое внимание, казалось бы, неуместное, когда подразумевается лексическая семантика. Ведь любой говорящий обычно употребляет слова родного языка с достаточной уверенностью, чтобы не подвергать сомнению тот факт, что каждое слово обладает определенным значением. А некоторые лингвисты, логики и философы этот факт явно ставят под сомнение, что следует, в том числе, из цитированного высказывания Л. Витгенштейна. В целом такого рода сомнения отражают состояние обсуждаемой проблемы именно в теоретическом языкознании.

Возвращаясь к Витгенштейну, отмечу, что та же мысль высказана им в «Логико-философском трактате» (1918; 1-е изд.: 1921), а также в более поздних «Философских исследованиях» (1953), опубликованных посмертно.

Т. Де Мауро комментирует ранний витгенштейновский трактат следующим образом:

«Понимание предложений предполагает понимание имен, их составляющих. Но понимание имен предполагает понимание предложений, состоящих из имен. Иначе говоря, мы понимаем предложение, если только мы уже его поняли. Получается, что безмятежный мир, в котором мы можем общаться друг с другом благодаря тому, что каждое слово приковано железными цепями к тому или другому предмету, этот мир оборачивается мучительным одиночеством; мы можем говорить, можем произнести предложение, но поймет нас лишь тот, кто уже понял это предложение, *кто уже знает, что оно значит, до того, как мы его произнесем* (выделено мной. — Н. С.), — словом, кому и высказывать его незачем» (Де Мауро 2000: 77).

Подмеченный Т. Де Мауро солипсизм (по его мнению, это следствие лингвистического аристотелизма, см.: Там же: 77 и сл.)⁶, который он

сообщений», Якобсон говорит о стремлении «мировой лингвистической мысли» преодолеть «сосюрговскую модель языка, рассматривающую язык как статичную однородную систему обязательных правил, и дополнить этот упрощенный и искусственный конструкт динамической картиной разнообразного изменчивого кода» («Лингвистика в ее отношении к другим наукам», 1970, см.: Якобсон 1985: 380). В указателе к «Selected Writings» обе пары понятий представлены как синонимичные. В статье «Речевая коммуникация» (1972), наряду с сочетанием «языковой код» (*le code linguistique*), представлен также «морфологический код», а система различительных признаков определяется как «эффективный и экономный код» (Якобсон 1985: 312).

⁶ Де Мауро имеет в виду следующий пассаж из «Герменевтики» («Об истолковании») Аристотеля: «Слова, выраженные звуками, суть *символы представлений в душе* (выделено мной. — Н. С.), а письменна символы слов...» Б. П. Нарумов переводит цитату с итальянского («[Вещи, которые существуют, обнаруживаются] в голосе, являются символами переживаний в душе, а написанные [являются символами] [вещей, которые пребывают] в голосе...» — см.: Де Мауро 2000: 38),

обнаруживает и у Б. Кроче, и у Ф. де Соссюра⁷, является следствием механистического понимания *языка как картины мира*. Так озаглавлена автором глава 3, посвященная концепции языка в трактате Витгенштейна. Его опорные понятия итальянский семиотик выстраивает в такую последовательность:

«Мир есть все, что происходит (1)⁸, это “целокупность фактов” (1.1), и он “подразделяется на факты” <...> “Мир это факты в логическом пространстве” (1.13) <...> Факт — это “существование положения вещей (*Sachverhalten*)” (2), а положение вещей есть связь предметов (вещей) (2.01) <...> “Картина — это факт” (2.141) <...> Но это особого рода факт <...> “Чтобы быть картиной, факт должен иметь *нечто* общее с изображаемым” (2.16). Это нечто называется у Витгенштейна *Form der Abbildung* “форма изображения” (2.17). Форма изображения — это возможность того, что элементы картины находятся между собой в том же соотношении (то есть имеют ту же “структуру”), что и предметы, конституирующие изображаемый факт (2.15, 2.151) <...> Предложение оказывается изображением, картиной (*Bild*) того, о чем в нем говорится, по той причине, что оно артикулировано (*artikuliert*) (3.251), обладает структурой, идентичной структуре факта, с которым оно соотносится <...> Если предложение — это модель факта, тогда его, очевидно, можно назвать “проекцией возможной ситуации” (3.11), его конститутивные элементы, получающие наименование простых знаков, называются именами (3.202). Так же очевидно, что каждое имя обозначает объект, а объект есть значение каждого имени (3.203) <...> ясно, что конфигурации имен в предложении соответствует конфигурация объектов в возможной ситуации, о которой говорится в предложении (3.21). И, наконец <...> никакой объект невозможно помыслить вне возможности его комбинирования с другими объектами в некоем состоянии вещей (2.021)...» (Там же: 74–76)

а в примечаниях приводит отредактированный перевод Э.Л. Радлова по кн.: *Аристотель* 1978. Т. 2: 93. Ср.: *Сухачев* 2010: 9 и сл., где аристотелевское понимание символа рассматривается в ином содержательном контексте.

⁷ Де Мауро завершает посвященный Кроче раздел «Введения в семантику» (1-е ит. изд.: 1965) следующими словами: «Свет тотальной выразимости, пронизывающий весь крочеанский универсум, в результате малоприятного диалектического преобразования оказывается таинственным и непроницаемым мраком некоммуникабельности» (*De Mauro* 2000: 96). В теории «позитивиста Соссюра», подчеркивает Де Мауро, говорящий «тоже нанизывает одно за другим слова, наделенные точным значением, но и соссюровский говорящий не в состоянии понять, как это значение передается другим; напротив, все заставляет предположить, что он совершенно не в состоянии передать другим индивидам значение, а передает им лишь звуковые вибрации своих слов» (Там же: 113).

⁸ В скобках Де Мауро приводит номера соответствующих положений Витгенштейна. Все цитаты из его трактата выверены Б.П. Нарумовым по изд.: *Витгенштейн* 1994.

Далее Де Мауро откровенно иронизирует над безуспешными попытками подвергнуть «полному анализу» значения слов в качестве мысли изреченной — над попытками разложить язык по полочкам, снабженным ярлыками тех или иных категорий:

«Таким образом, нагромоздив целую гору банальностей, Витгенштейн взбирается на ее вершину, и оттуда ему открывается вид на спокойный и упорядоченный мир филистеров, в котором не без приятности поживает и размышляет “широкая публика”. Это мир вещей и слов, соответствующих вещам, мир фактов и предложений, соответствующих фактам, мир существительных, которые “обозначают субстанции, вещи, людей”, прилагательных, которые “обозначают качества”, глаголов, которые “обозначают состояния, действия или претерпевания”, подлежащих, которые “обозначают лицо или предмет, совершающий действие”, прямых дополнений, которые “обозначают того, кто испытывает на себе действие”» (Там же: 76).

Приведенный комментарий к концепции языка у раннего Витгенштейна, принадлежащий одному из самых эрудированных лингвистов XX века, показателен. Он обнаруживает неправомочность сугубо зеркальной модели отражения в человеческом восприятии мира вещей и, соответственно, восприятия языка как «верного зеркала сознания». Однако Де Мауро, развивая далее свое видение семантики, отдает должное мыслям позднего Витгенштейна, которые «весьма близки к идеям позднего Соссюра и позднего Кроче» (Там же: 154). Эти идеи Де Мауро подключает к своей концепции коммуникативности, покоящейся в конечном счете на концепции языковой деятельности⁹. Соответственно, он утверждает:

«Предметом лингвистики и семантики служат не “языковые факты”, “языковые формы” или “сигнификаты”, а *языковое поведение* (выделено мной. — Н. С.), означающая деятельность. Та же мысль высказывается ныне в различных культурных кругах, независимых друг от друга <...> что “звуковой символ живет жизнью говорящих”¹⁰ и приобретает ценность и значение лишь в узусе. Идею, которую примерно теми же словами выразил Соссюр, буквально повторяет Витгенштейн: “432. Каждый знак, взятый *сам по себе*, кажется мертвым. *Что* придает ему жизнь? — Он *живет* в употреблении”¹¹» (Там же).

Разделяя пафос приведенного пассажа из книги Де Мауро, я не могу согласиться ни с предложенным им анализом философии обиходного языка у раннего и позднего Витгенштейна, ни с оптимизмом итальянского

⁹ Т. Де Мауро по-своему развивает деятельностную теорию возникновения (и функционирования) языка, знакомую ему по итальянскому переводу книги Л. С. Выготского «Мышление и речь» (1934).

¹⁰ Со ссылкой на: *Pagliari* 1952: 61.

¹¹ Цит.: *Витгенштейн* 1994: 212. Но, цитируя Витгенштейна, Де Мауро обрывает мысль философа. Продолжается она так: «Несет ли он живое дыхание в самом себе? Или же *употребление* и есть его дыхание?» (подробнее см. раздел 7.1).

семиотика, вытекающим из фактического отождествления им языковой деятельности и коммуникабельности.

В целом я отношусь скептически к упрощенным представлениям о языке как *средстве коммуникации* по преимуществу. И понятен поэтому также мой скепсис по отношению к рассматриваемой Де Мауро дилемме, в соответствии с которой «таинство слова» находится между солипсизмом и коммуникабельностью.

Я намерен кратко набросать несколько сюжетов из истории лингвистических идей, связанных с так называемым *лексическим значением* (а точнее — со *смыслообразованием*), которые попытался сопрячь с *теорией лингвистического знака*. В какой-то мере мною пересматривается ставшее тривиальным положение, отчетливо сформулированное А. Ж. Греймасом, согласно которому «семантика имеет своим предметом изучение естественных языков», а их описание

«представляет собой часть более обширной науки о значении — семиологии, понимаемой в соссюрском значении этого термина» (Греймас 2004: 9).

Не думаю, что исследование человеческого языка, особенно когда речь идет о содержательной его стороне, может рассматриваться как составная часть некой надязыковой «науки о значении», что следует из формулировки Греймаса. Скорее *семиология* или *семиотика* есть попытка возведения семантики естественных языков в ранг «науки наук». На этом уровне вместо гегелевских образов, понятий и идей, соответственно постигаемых развивающимся «духом» на разных ступенях его становления, в конечном итоге царят некие конфигурации чистых отношений между знаками, которые сами по себе остаются «пустыми знаками».

В поисках правил формализации изучаемого языкового материала часть лингвистов в силу профессиональной привычки предпочитает двигаться в поисках значения от знака к знаку. А это менее всего соотносится со здравым смыслом, подсказывающим, что носитель любого языка в стремлении как можно адекватнее понять «мысль изреченную» на самом деле оперирует не «чистыми» знаками, но стоящими за ними значениями. Последние практически не зависят от «произвольных знаков», если считаться хотя бы с тем определением лингвистического знака, которое представлено в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра¹².

Иначе говоря, в поисках значения слова человеческая мысль способна осознавать какое-то *новое* для предъявленного ей «словесного знака»

¹² О том, как принцип *произвольности языкового знака* (*l'arbitraire du signe linguistique*), сформулированный не только Ф. де Соссюром, но и задолго до него (например, у Гегеля — *нем.* willkürlich, «произвольный, преднамеренный»), соотносится с категориальностью сигналов высшей нервной деятельности — образов и словесных знаков, см.: Сухачев 2007в: 139–154.

содержание, только отталкиваясь от заранее известного «старого» его содержания. Это последнее в какой-то мере известно практически всем носителям данной языковой традиции. Однако у каждого из них оно одновременно вызывает какие-то субъективные представления. Чтобы оказаться доступными для других носителей того же языка, они в конкретном акте коммуникации, то есть *в процессе общения*, обязательно нуждаются в экспликации (см. раздел 6.3). Сама экспликация значения обычно неоднозначна: она включает, с одной стороны, (1) *субъективное переживание* некоторого традиционного значения определенного слова говорящим (или пишущим), а с другой — (2) *субъективное переживание* того же слова слушателем (или читателем). Чтобы состоялось адекватное понимание значения данного слова, любого рода сенсомоторные переживания, соотносимые в психологической литературе с личностным смыслом, должны опираться на какое-то единое для них основание. Таким основанием является общность культурно-исторических представлений, составляющих традиционную (или национальную) культуру, которая, в конечном счете, постоянно создается и перестраивается в пределах конкретной языковой общности — отдельно взятого исторического языка или его социальных и территориальных вариантов (наречий, диалектов, говоров).

Можно утверждать, что любой акт речевой коммуникации представляет собой не просто односторонние процессы говорения или понимания. Он неизбежно превращается в обмен мыслями и субъективными представлениями, постоянно видоизменяющими состояние *индивидуально-социального языка*¹³. Все исторические языки изменяются в силу изменения и обогащения человеческого опыта, в том числе опыта обращения с языком, который возникает и накапливается только в общении.

Собственно *языковая традиция* или *языковая общность* (или *языковая система*, в понимании Ф. де Соссюра, то есть условно «одномоментное» *языковое состояние*) — есть *результат усвоения словаря и грамматики определенного языка*, но также и неперемennого их пересмотра в меру усвоения новой информации и множества экспликаций тех словоупотреблений, которые так или иначе отражают субъективный опыт людей, говорящих на одном языке.

Подлинное понимание «мысли изреченной», действительно, возможно только в контексте высказывания — в качестве *актуализованного*

¹³ По определению Ф. де Соссюра: “*Le langage a un côté individuel et un côté social, et l'on ne peut concevoir l'un sans l'autre*” («У речевой деятельности есть две стороны: индивидуальная и социальная, причем одну нельзя понять без другой») (Saussure 1971: 24; Соссюр 1977: 47). Однако в тексте «Курса общей лингвистики», как и в сохранившихся авторских «Заметках по общей лингвистике» (Соссюр 1990), неоднократно акцентируется значение именно социальной стороны — «массы» говорящих. В целом с этой двуединой природой индивидуально-социального языка связана соссюровская оппозиция более социального *языка* и более психологической *речи*. Совершенно недопустимо различать их в качестве, скажем, литературных (письменных) и просторечных изустных текстов.

значения. Оно всегда осмысливается мной «здесь и сейчас», то есть в конкретной ситуации: в данном тексте, более или менее обширном¹⁴.

И следует иметь в виду, что *некое звучание само по себе не может быть ни внешним «носителем» значения (означающим), ни его внутренним содержанием (означаемым)*. Это следует хотя бы из упомянутого ранее принципа произвольности лингвистического знака, сформулированного Ф. де Соссюром с оглядкой на фонетическую форму слова, но не на его значение.

Так называемая лексическая семантика, если только позволено рассуждать о ней как о самоценном «уровне языка» и рассматривать в качестве особой лингвистической дисциплины, является практически наименее упорядоченной, а теоретически наиболее противоречивой из наук о языке. Это парадоксально, поскольку последние и зарождались в раздумьях о слове.

В. Дорошевский даже подчеркивал, что все лингвистические дисциплины так или иначе являются «лексикоцентрическими». Слово реализуется только там и тогда, когда появляется значение: «образ», «представление», «идея» — все то, что может быть обозначено как предмет мысли. Поэтому мне показался более целесообразным такой подход к изложению рассматриваемой темы, который обеспечивал бы не столько буквальное усвоение той или иной суммы знаний и точек зрения (методов, исследовательских приемов), сколько формирование элементарных навыков критического восприятия любой научной идеи и творческой ее адаптации.

Знания и умение обращаться с научными идеями и терминами нельзя почерпнуть из какого-то одного источника, усвоив исследовательские приемы и методы отдельной научной дисциплины, тем более когда речь идет об изучении языка, и особенно его содержательного плана. Анализ лексических значений равнозначен инвентаризации открытого множества словоупотреблений, иллюстрирующих все новые возможности осмысления слова.

В конечном счете, содержательный анализ языковых явлений требует постоянного внимания исследователя к непрерывному обновлению и развитию самой культурной традиции — целенаправленного внимания не только и не столько к *внутрилингвистическим (интралингвистическим)* факторам, но также к *внешнелингвистическим (экстериолингвистическим)* и *внелингвистическим (экстралингвистическим)*¹⁵. Априорные исчисления, допустим, «логических» или «психологических» мотиваций значений слова исключены. Слово живет исключительно в контексте культуры и ее «жизнью». В этом смысле все лексические значения историчны.

¹⁴ Минимальный «текст» для отдельно взятого слова может быть сведен к *узнаванию* и *номинации* (называнию) определенной вещи в качестве предмета мысли или же более или менее типичного представителя некоторого множества вещей: предметного класса, ситуативной группы и т. п. Поскольку любой язык (и любого уровня текст на *этом* языке) есть образование индивидуально-социальное, в предельном случае наибольшим, но и «беспредельным» *текстом* оказывается та или иная культурная (она же языковая) традиция.

¹⁵ Об этих терминах см.: Толстой 1974: 18–21.

1. О ЗНАЧЕНИИ И СМЫСЛЕ СЛОВА

Мы убеждены, что лексика — система в гораздо большей степени, чем это принято было думать до сих пор...

Ю.Д. Апресян
*Лексическая семантика*¹

Имея в виду «язык вообще», В. фон Гумбольдт подчеркивал:

«Никто не понимает слово в точности так, как другой <...> Всякое понимание поэтому всегда есть вместе и непонимание (здесь и выше выделено мной. — Н.С.), всякое согласие в мыслях и чувствах — вместе и расхождение² <...> За влиянием языка на человека стоит закономерность языковых форм, за исходящим от человека обратным воздействием на язык — начало свободы» (Гумбольдт 1984: 84).

Именно человеческое «начало свободы», остро ощущаемое в эпоху Просвещения и воспринятое унаследовавшими его идеи романтиками, оказывается той «запятой» (если воспользоваться словоупотреблением Н.С. Лескова), о которую спотыкаются все начинания лингвистов, направленные на формализацию языкового содержания. Как отметил С.Д. Кацнельсон, с л о в о

«выпадает из иерархии языковых единиц во многих вариантах теории уровней» (Кацнельсон 1972: 100).

Чтобы компенсировать это выпадение, в контексте разрабатываемой автором типологии языка, тесно увязанной им с речевым мышлением, допускается, что для функционирования содержательных языковых единиц характерна такая не формализуемая их мотивация, как и м п р о в и з а ц и я :

«Выделяя три основных уровня в процессах речевой деятельности — речемыслительный, лексико-грамматический и фонологический, — мы

¹ Цит. по: Апресян 1995: 118 (изд. 2-е, испр. и дополн.). 1-е изд.: 1974. Автор ссылается на мнение А. Мартине («Словарь в собственном смысле слова кажется в гораздо меньшей степени сводимым к структурным схемам...» — *Martinet* 1953: 582) и на С. Ульмана, «поставившего под сомнение возможность обнаружить скольконибудь значительное число других групп лексики с достаточно высокой внутренней организацией», помимо цветообозначений, интеллектуальной, этической, эстетической и религиозной лексики (*Ullmann* 1962: 249–250).

² Цитируемое гумбольдтовское определение в ином переводе воспроизводит А.А. Потебня (1976: 61–62). Выделенный фрагмент цитаты отметил также С.Д. Кацнельсон (1972: 107, — со ссылкой на кн.: *Потебня А.А. Мысль и язык. Одесса, 1922: 29*).

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	5
Краткое введение в проблематику книги.....	6
1. О значении и смысле слова.....	14
1.1. Содержание слова.....	18
1.2. Анализ значения.....	19
1.3. К определению понятия «слово».....	20
1.4. Актуализация значения.....	21
1.5. Концепции значения.....	22
2. Из истории идей.....	28
2.1. Риторика.....	31
2.2. Герменевтика и <i>Hermeneutica Sacra</i>	33
2.2.1. Гомилетика.....	36
2.2.2. «Христианская наука» Аврелия Августина (Блаженного).....	37
2.3. Герменевтика в новое время.....	45
2.4. Закат риторики.....	49
3. От семасиологии к семиологии.....	54
3.1. Семасиология.....	54
3.2. Семантика.....	56
3.3. Семиотика (семиология).....	57
4. Теории языкового знака.....	59
4.1. Три вида знаков у Э. Б. Кондильяка.....	60
4.2. Знаковая теория Ф. де Соссюра.....	61
4.3. Знак по Ч. С. Пирсу.....	69
4.4. Семантический треугольник Ч. Огдена и А. Ричардса.....	71
4.5. Коммуникативная дуга Г. П. Мельникова.....	73
5. О речевом мышлении, языке и речи.....	84
5.1. Высказывание.....	85
5.1.1. Теория сообщения.....	86
5.2. Идиоэтническая специфика языка.....	87
5.2.1. О понятии «лингвистическая относительность».....	88
5.3. Язык и речь.....	91
6. В лабиринте смыслов. К проблеме экспликации содержания слова в речи.....	95
6.1. Смысл и значение.....	97
6.1.1. Смысл и значение в логической семантике.....	98
6.1.2. «Смысл» в контексте речевого мышления.....	102
6.1.3. Логико-философские и семиологические трактовки «смысла».....	104
6.2. В мире вещного слова.....	108

6.3. «Глокая куздра...» и «Бесцветные зеленые идеи...»	112
6.4. Что же такое слово	123
7. О «материальном» субстрате речевого мышления. Вместо заключения	128
7.1. О структуре сознания	132
7.2. Деятельностная концепция памяти	135
7.2.1. Из истории понятия	136
7.2.2. Виды памяти	137
7.2.3. Представления о механизмах памяти	139
7.2.3.1. Нейрофизиологическая теория	139
7.2.3.2. Биохимические теории	139
7.2.4. Нейронная память	141
Литература	146
Указатель имен	155
Предметный указатель	165

CONTENTS

From the author	5
A brief introduction	6
1. On the significance and meaning of words	14
1.1. The content of the word	18
1.2. Analysis of the meaning	19
1.3. Towards the definition of the concept of "word"	20
1.4. Actualization of the meaning	21
1.5. The concept of meaning	22
2. From the history of ideas	28
2.1. Rhetorics	31
2.2. Hermeneutics and the <i>Hermeneutica Sacra</i>	33
2.2.1. Homiletics	36
2.2.2. Saint Augustine's "Christian Science"	37
2.3. Hermeneutics in the modern time	45
2.4. Decline of the rhetorics	49
3. From semasiology to semiology	54
3.1. Semasiology	54
3.2. Semantics	56
3.3. Semiotics (the semiology)	57
4. Theory of the linguistic sign	59
4.1. Three kinds of signs in É. B. de Condillac's philosophy	60
4.2. Semiotic theory of F. de Saussure	61
4.3. C. S. Peirce's conception of the sign	69
4.4. The Semantic triangle of C. K. Ogden and I. A. Richards	71
4.5. The Communicative arc of G. P. Melnikov	73
5. About the Speech Activity, the Language and the Speech	84
5.1. Proposition	85
5.1.1. The Theory of the announcement	86
5.2. Ethnic singularity of the language	87
5.2.1. About the concept of "linguistic relativity"	88
5.3. Language and the Speech	91

6. In the labyrinth of meanings. The explication of the word's content in the Speech.	95
6. 1. Sense and Meaning	97
6.1.1. Sense and Meaning in Logical semantics.....	98
6.1.2. "Sense" in the formation of the Notions.....	102
6.1.3. The Logical-philosophical and Semiological treatments of the Sense ...	104
6.2. In the World of the Thing's Language.....	108
6.3. "Glokaja kuzdra..." and "Colorless green ideas..."	112
6.4. What does it mean the Word.....	123
7. The substratum of the Speech Activity. Instead of conclusion	128
7.1. Structure of the consciousness	132
7.2. Actional concept	135
7.2.1 From the history of the concept	136
7.2.2. Types of memory	137
7.2.3. Treatments of the mechanisms of memory	139
7.2.3.1. Neurophysiological theory	139
7.2.3.2. Biochemical theories	139
7.2.4. The neuronal memory	141
Bibliography	146
Index of the Names	155
Topics.....	165

Научное издание

Николай Леонидович Сухачев

ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ СЛОВА
Лекции о лингвистическом знаке

Корректор *В.Т. Мусбахова*

Оригинал-макет *Л.Е. Голод*.

Дизайн обложки *И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 19.04.2019. Формат 60×90 ¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 11,5. Заказ № 1555. Тираж 500 экз.

Издательство «Нестор-История»

197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Тел. (812)235-15-86

e-mail: nestor_historia@list.ru

www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»

Тел. (812)235-15-86